П. Тамаш

НЕФОРМАЛЬНОСТЬ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

ПОСТАНОВОЧНЫЕ ВОПРОСЫ ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Социальный мир Восточный Европы, основанный на неформальности и созданный ею, является той средой, в которую внедряются образы рыночной экономики. В этом смысле дискуссии о роли неформальности являются не чем иным, как спорами о том, что есть «нормальное» для постсоциалистических обществ. Одни полагают, что происходящее в современном постсоциалистическом пространстве является аномальным. Направления развития постсоветской экономики отличаются от сценариев «нормального» капитализма: то, что возникает в постсоциалистической среде, не соответствует западному типу капитализма, главным образом из-за неформальных элементов, играющих важную роль в постсоветском социально-экономическом порядке. Это означает, что определенная модернизация постсоциалистических обществ, возможно, продолжается, однако вестернизация - нет (или происходит, но в значительно меньших масштабах). Те, кто верит в универсальность капитализма западного образца, находят более мягкие и не столь категоричные утверждения, согласно которым запутанная дорога с множеством необозначенных ответвлений тоже является «шоссе, ведущим на Запад». В реальности постсоветский экономический порядок отличается от наших идеалистических представлений о рынке и рыночной экономике. Однако конфликты, наблюдаемые сегодня, менее драматичны по сравнению с тем, что мы ожидали десять лет назад. Направление изменений оказалось вполне подходящим. Мы можем по-разному называть происходящие события и феномены (неформальность - лишь одно из таких обозначений), однако способ, которым мы их маркируем, свидетельствует скорее

не о реально происходящих процессах, а о наших «политических» проблемах, связанных с наблюдением и интерпретацией.

«Политические» утверждения находят отражение в дебатах о роли постсоветской неформальности, где проявляются попытки преодолеть традиционные подходы, используя различные теоретические позиции. Определения неформальности, которые обсуждаются в постсоветском интеллектуальном пространстве, в большинстве своем весьма просты. Неформальными считаются те элементы и формы экономического порядка, которые не соответствуют модели «западной» экономики, принятой в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Т.о., неформальные структуры могут быть идентифицированы лишь при определении «формальной» экономики. Согласно данному подходу, неформальный сектор не имеет никакой согласованной внутренней структуры и единой логики по той причине, что он определяется «от противного» - лишь как отличающийся от формального. Между тем существует огромное количество разнообразных элементов экономической жизни (и социальной реальности вокруг них), находящихся за пределами легального регулирования. Однако их внутренние отношения нельзя назвать строго и ясно структурированными и организованными, часто они отличаются от логики системы, существующей как внутри, так и за пределами рамок легального пространства. Для иллюстрации можно представить себе фильм, составленный из сцен, вырезанных из импортируемых фильмов как «представляющих опасность для общественной морали». В таком фильме не будет ни общей сюжетной линии, ни взаимосвязанных эпизодов, и ко всему прочему в разных частях будут действовать разные актеры.

Подобно некоторым аналитикам (Лейтер-Телстром 1997), мы можем рассматривать неформальное регулирование как явление, существующее во всех странах. Согласно этому подходу, неформальность должна анализироваться в соответствии с общим уровнем экономического развития. Если речь идет о развитой стране, то неформальная экономика занимает периферийное положение. В менее развитых странах роль неформального сектора более существенна. В дальнейшем стабильный рост подталкивает экономику к западным вариантам управления, и часть проблем таким образом решается автоматически. Т.е. полюсы четко определены, однако я не верю в универсальные шкалы и системы валидизации. Это, кста-

ти, довольно печальный факт, поскольку использование таких интегрированных шкал могло бы серьезно упростить разработки концепта «неформальности» в постсоветском мире.

Неформальная экономика зачастую ошибочно интерпретируется как нечто вторичное, и в этом случае лишь формальный сектор будет обладать реальными регулирующими полномочиями. Также неверно было бы следовать доминирующим в современной российской дискуссии представлениям, согласно которым «все неформально» и это является единственным способом регулирования. В этом случае необходимо ответить на вопрос о роли формального регулирования и его отношений с неформальностью, по крайней мере, с теми ее секторами, которые сосуществуют на полуформальных основаниях с «официальным» регулированием.

Нельзя забывать об уроках неформальности советского времени. Какие из структур, существовавших до 1989-1991 гг., мы определяем как все еще функциональные и полезные, а какие признаем функциональными лишь в условиях советской (государственной социалистической) среды, но разрушительными в новых условиях? Каково влияние представлений, характерных для позднего советского периода, на наши современные представления о собственности, о необходимой прозрачности или непрозрачности экономики, о предсказуемости и измеряемости (пере)распределения? Роль неформальной экономики тогда и сейчас различна. Тем не менее ее образы в общественных спорах и тогда, и теперь подобны холистическим культурным кластерам. Идеализированные ролевые наборы «второй экономики» прошли длинный путь изменений от образа «антитоталитарных борцов за свободу» ранних 1990-х через мифы о «новых русских» к прагматичному «эмпирическому бизнес-регулированию». Функциональные траектории отдельных ее элементов также различались на протяжении этого периода. Как, например, изменился за эти годы бартер? Что служило главным мотивом использования «безденежного» обмена в различные периоды трансформации? Что лежало в основе мотивации акторов в этом процессе в разные периоды времени: дефицит товаров, дефицит доверия к партнерам или стремление организовать обмен вне официальных финансовых потоков? Траектории других элементов можно было бы анализировать подобным же образом.

Определенно существовала разница между теми странами, которые еше до 1989-1991 гг. имели своего рода реформированную экономику с псевдорынком (Югославия, Венгрия, частично Польша), и теми странами, в которых жесткий политический контроль комбинировался с «блатом» как универсальным микрорегулятором. Исследуя изменение роли неформальности как в процессах экономического регулирования, так и в идеологических или культурных спорах, нам следует обсудить эти различия. Какую роль играл псевдо- или частичный рыночный опыт по сравнению с моделью «строгий контроль + блат»? Как повлиял квазирынок периода позднего социализма на возникновение современных неформальных ниш и правил, и остается ли это влияние теперь? Насколько продолжителен жизненный цикл этого коллективного опыта?

Как изменились наши представления о собственности за последние 15 лет? Разумеется, не имея данных сравнительных социологических исследований постсоветских законодательств в различных странах, мы вынуждены оперировать во «вселенной» спекулятивных размышлений. Но из практики нам известно о мягких и твердых контурах понятия собственности. Хороший пример - управленцы эпохи социализма, которые верили, что завод принадлежит им: не в смысле воровства, а в смысле игнорирования министерств или других представителей государства и в том, что они вели себя как реальные владельцы предприятия. На другом краю «спектра» квазисобственники: постприватизационные юридические владельцы предприятий, которые в действительности выступали лишь ширмой для политических структур, контролирующих данную собственность, и которые постепенно начинают все более ощущать себя реальными владельцами предприятий. С этой точки зрения, было бы интересно взглянуть на поздние траектории неолиберальной парадигмы, декларирующей с конца 1980-х необходимость воссоздания института частной собственности как предпосылки автоматического роста макро- и микроэкономической эффективности. И здесь важны не фактические доказательства этого утверждения или его возможной фальсификации, а изменяющийся статус, который идеология претерпевает в различных ситуациях. Трансформация этих и связанных с ними идеологических позиций несомненно .повлияла па дискурс о неформальности конца 1990-х гг.

Дебаты о неформальности следует анализировать также из перспективы ответственности. В ситуации, когда идет постоянное изменение правовых контуров и официальных предписаний, ответственность и возможность оценки «правильного» поведения становятся главным дефицитом. Поэтому неформальность призвана заполнить эти пробелы, компенсировать дефицит, созданный недостатком формальности. Это означает, что неформальность становится стабилизирующим, а не дестабилизирующим фактором. Но наш исследовательский вопрос снова связан с общественной идеологией. В каких ситуациях общество начинает воспринимать неформальность как стабилизирующий фактор? И если в этих ситуациях неформальность понимается как своего рода специфическая страховка для участников взаимодействий, то на какой стадии развития формальных отношений мы готовы пожертвовать частью этой «страховки»? Как долго и с мобилизацией какого рода ресурсов две «системы страхования» - неформальные сети и легальная ответственность - могут существовать параллельно? И если верна гипотеза о неформальности как факторе, поддерживающем длительный, не революционный переход к созданию формального рынка в постсоветской системе, то с какого момента мы можем наблюдать превращение этой «поддерживающей» роли из первичной во вторичную?

Что должно произойти с неформальностью (и с дебатами о ней) в период реконструкции государственной власти? Здесь я имею в виду прежде всего периоды, которые характеризуются конкретными программами и обновленной (или действительно новой) государственной идеологией. Наибольший интерес представляют те периоды, когда слабое государственное регулирование подменяется неформальными сетями и акторы, задействованные в них, в целом удовлетворены ситуацией и формой услуг. И вот теперь, когда все более или менее довольны и счастливы, амбициозное государство стремится вернуть регулирование в свои руки, причем его эффективность в данной момент ниже, чем в схеме неформального регулирования (как, например, в охранном бизнесе). Какого рода компромиссы могут быть достигнуты в этой ситуации и какой ценой? И каковы наиболее успешные стратегии для достижения соглашений, которые могут быть предприняты в таких случаях действующими лицами - из числа имеющих отношение как к государственным, так и к неформальным институтам? Где проходят демаркационные линии, территории с

двойным регулированием, и каковы паттерны сосуществования для двух систем регулирования - неформальной и государственной?

В качестве примера можно использовать схему приватизации-национализации. В начале 1990-х сектор услуг, например, был приватизирован «неформальными» агентами, а сейчас ренационализирован государством. В этой ситуации значение имеют масштабы и интенсивность ренационализации, ее характер (конфронтационный или интегративный) и т.д. В предшествующие годы исследования были преимущественно сфокусированы на процессах «приватизации» регулятивных услуг и их реконструировании неформальными акторами. Сегодня мы можем наблюдать обратный процесс - «ренационализацию». Исследователи неформальности могут наслаждаться возможностью изучать многочисленные примеры неформального сопротивления и стратегий сосуществования как реакции на активизировавшее свою деятельность государство.

Неформальность выполняет функцию косвенной легитимации возникающих региональных рыночных демократий. Без нее «функциональная рыночная экономика» как промежуточная цель социальной трансформации не могла бы быть продемонстрирована местной общественности и международным патронам. Первые рыночные институты не могли бы выжить без неформальной поддержки. Мы можем утверждать, что рынки и способы регулирования того периода были лишь виртуальными ОЭСР-экономиками с имитациями институтов. С этим соглашаются все с начала ранних 1990-х. Национальные политические элиты и их спонсоры из международных «бизнес-клубов» были заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее продемонстрировать в качестве результатов трансформации новый деловой порядок. Тем не менее все понимали, что *специфические* черты этого нового порядка продавалась широкой публике как «нормальные».

Странным образом дискуссии о мафиозных экономиках, «новых русских» и т.д. были в гораздо большей степени укоренены в *культурных* дебатах с частым использованием элементов сказок, мечтаний и национальных мифологий, чем в *политическом анализе.* Здесь следует инициировать специальные исследования культурного дискурса с использованием подходов экономической социологии: как функционирует экономика в новых сказках, что символизиро-

валось теми «неформальными» героями и культурными посланиями.

Неформальность играет значительную роль в технологическом обновлении и производстве нового знания даже в экономиках ОЭСР. Следует рассмотреть влияние неформальности на национальные инновационные системы в трансформирующихся странах, обращая особое внимание на появление новых «индустриальных областей». Когда схожие фирмы располагаются в определенных общих кластерах (по типу индустриальных областей), для них важно существование общей системы ценностей и знаний. Происходит формирование определенной культурной среды. В этой среде фирмы связаны между собой специфическими неформальными отношениями и создают сложную смесь кооперации и конкуренции. Существующая литература утверждает, что распространение знания по информационным каналам происходит в форме информационной торговли. Этот тип неформального обмена знаниями между фирмами можно часто наблюдать в процессах создания и распространения технологической инновации.

Что произойдет с государственными моделями отношения к неформальности в условиях появляющегося неоэтатизма? Почему государство настолько обременяет производителей, что многие из них предпочитают работать в неформальном секторе? В принципе возможны две гипотетические модели поведения государства.

Одна модель - это собственническое государство, стремящееся максимизировать свой чистый годовой доход, который состоит из налогов и взяток минус траты на «общественные услуги», оказываемые государственными учреждениями и предприятиями общественного пользования (public services). Вторая модель предполагает наличие «доброжелательного», филантропического государства, стремящегося максимизировать чистую прибыль производителей. Если бы был возможен тотальный контроль над всем, что производится, собственническое государство стремилось бы получить максимальное количество денег от каждого производителя, работающего в формальном секторе. Это неизбежно подтолкнет недостаточно развитых производителей к неформальному сектору.

Первое и самое лучшее решение доброжелательного государства - предоставить такое количество общественных услуг, которое бы

позволило максимизировать чистый доход всех производителей, работающих в формальном секторе.

Не секрет, что аккумулирование капитала основывается на социальных структурах. Это означает, что эффект либерализации не должен заключается в упразднении или трансформации структур, в которых рынки укоренены. Вместо этого либерализация подразумевает создание условий, стимулирующих сохранение и совершенствование таких структур как экономических институтов. В эру либерализма и глобализации структурное регулирование не должно ограничиваться заменой государственного планирования экономического развития и «норм плановой экономики» рынком и контрактами. Не менее важен процесс интенсификации отношений между рыночными и «не рыночными» институтами, без которых рынок не может существовать.

Albrecht Ulrich Informelle Regulation in Transformationsgesellschaften // Hopfmann Arndt, Wolf Michael: Transformation und Interdependenz, Munster, 1998.

Altvater Elmar. Theoretical Deliberations on Time and Space in Post-socialist Transformation // Regional Studies. 1998. Vol. 327. April. S. 591-605.

Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe: Free Press, 1958.

Blomlev Ray.. A New Path to Development? The Significance and Impact of Hernando de Soto's Ideas on Development, Production and Reproduction // Economic Geography. 1990. 66: 328-346.

Brunetti Aymo, Gregory Kisunko and Beatrice Weder. Institutions in Transition: Reliability of Rules and Economic Performance in Former Socialist Countries // The World Bank Policy Research Working Paper Series, 1809. 1997.

Capecchi Vittorio. The Informal Economy and the Development of Flexible Specialization in Emilia-Romagna // Alejandro Portes, Manuel Castells and Lauren A. Benton (eds.). The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1989.

Catanzaro R. Enforcers, Entrepreneurs and Survivors: How the Mafia Has Adapted to Change // British Journal of Sociology. 1985. 35. 1. P. 34-55.

Costa Arthur M., Luiz Pedone and David Fleischer. Brazil: Targeting Corruption in Public Bidding // C1PE, Economic Reform Today. 1998. 2.

De Soto Hernando. The Other Path: the Invisible Revolution in the Third World. New York: Harper and Row, 1989.

De Soto Hernando. The Mystery of Capitalism: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. New York: Basic Books, 2000.

De Soto Hernando. Securing Property Rights: the Foundation of Markets (an interview) // CIPE, Economic Reform Today. 1996. 1.

Eiseastadt S. N. and Roniger L. Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and
the Structure of Trust in Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Elster J. and Moene K. (eds.). Alternatives to Capitalism. Cambridge: Cambridge
University Press, 1988. Enste Dominik and Friedrich Schneider. Increasing Shadow Economies all over the World-
-Fiction or Reality? A survey of the global evidence of their size and of their
impact from 1970 to 1995 // The Institute for the Study of Labor (1ZA)
Discussion Paper 26, December. Bonn, Germany: IZA, 1998. Farrell Graham, John Roman and Matthew Fleming. 2000. Conceptualizing the Shadow
Economy // Journal of International Affairs. 53. 2. Spring. P. 387-412. Feige Edgar L. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New
Institutional Economics Approach // World Development. 1990. 18. 7. P. 989-
1002. Hess H. Mafia and Mafiosi the Structure of Power. Lexington, Mass.: Lexington Books,
1973. Hirschman A.O. The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism before
its Triumph. Princeton: Princeton University Press, 1977. Hoptmann Arndt. Transformation als infonnelle Modemisierung // UTOPIE kreativ. 1997.
Heft 83, September. S. 20-33. Johnson Simon, Daniel Kaufmann and Pablo Zoido-Lobaton. Corruption, Public Finances
and the Unofficial Economy // The World Bank Policy Research Working
Paper Series, 1999. 2169. Johnson Simon, Daniel Kaufmann and Andrei Shleifer. The Unofficial Economy in
Transition // Brookings Papers on Economic Activity. 1997. 2. P. 159-239. Kaufmann Daniel and Aleksander Kaliberda. Integrating the Unofficial Economy into the
Dynamics of Post-Socialists Economies: a Framework of Analysis and Evidence
// The World Bank Policy Research Working Paper Series. 1996. 1691. Ledeneva Alena V. Practices of Exchange and Networking in Russia // Soziale Welt, 48,
Heft 2, Baden-Baden, 1997. S. 151-170. Leiter Sharon, Tedstrom John. Russia's Informal Economy: A Framework for Analysis //
RAND, DRU-1678. 1997. July.
Losch Dieter, Steffen Olaf. Das Wirtschaftssystem der Perestroika. Hamburg, 1991 Peattie Lisa A. An Idea in Good Currency and How it Grew: The Informal Sector // World
Development. 1987. Vol. 15. 7. P. 851-860. Portes Alejandro and Manuel Castells and Lauren A. Benton (eds.). The Informal Economy:
Studies in Advanced and Less Developed Countries. Baltimore: The Johns
Hopkins University Press, 1989. Rakowski Cathy A. Convergence and Divergence in the Informal Sector Debate: A Focus
on Latin America // World Development. 1994. Vol. 22. P. 501-516. Rosser J. Barkley Jr., Marina Rosser and Ehsan Ahmed. Income Inequality and the Informal
Economy in Transition Economies // Journal of Comparative Economics. 2000.
28. P. 156-171. Sachs Jeffrey E. and Katharina Pistor (eds.). The Rule of Law and Economic Reform in
Russia. Boulder: Westview Press, 1997.

Schedler Andreas, Larry Diamond and Marc F. Plattner (eds). The Self-Restraining State: Power and Accountability in New Democracies. Boulder, Co.: Lynne Rienner, 1999.

Schneider Friedrich. Measuring the Size and Development of the Shadow Economy. Can the Causes be Found and the Obstacles be Overcome? // Hermann Brandstaetter and Werner Guth (eds). Essays on Economic Psychology. Berlin: Springer Publishing Co., 1994. P. 193-212.

Schneider Friedrich. The Growth of the Shadow Economy in the OECD: some preliminary-explanations // Journal of International Affairs. 2000. 53. 2. Spring. P. 413-432. Schneider J. and Schneider P. Culture and Political Economy in Western Sicily. New York:

Academic Press, 1976. Sethuraman S.V. The Urban informal Sector in Developing Countries: Employment,

Poverty and Environment. Geneva: International Labour Office, 1981. Shleifer Andrei and Robert W. Vishny. Corruption // Quarterly Journal of Economics.

1993. 108. 599-617. Tanzi Vito (ed.). The Underground Economy in the United States and Abroad. Lexington,

MA: LexingtonBooks, 1982. Tanzi Vito. Uses and Abuses of Estimates of the Underground Economy // Economic

Journal: the Journal of the Royal Economic Society. 1999. 109. June. P. 338-47. Tokman Victor E. Policies for a Heterogeneous Informal Sector in Latin America // World

Development. 1989. 17. July. P. 1067-76.

Tokman Victor E. (ed.). Beyond Regulation: the Informal Sector Economy in Latin America. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1992.

Пер. с англ.Ф. Погорелова